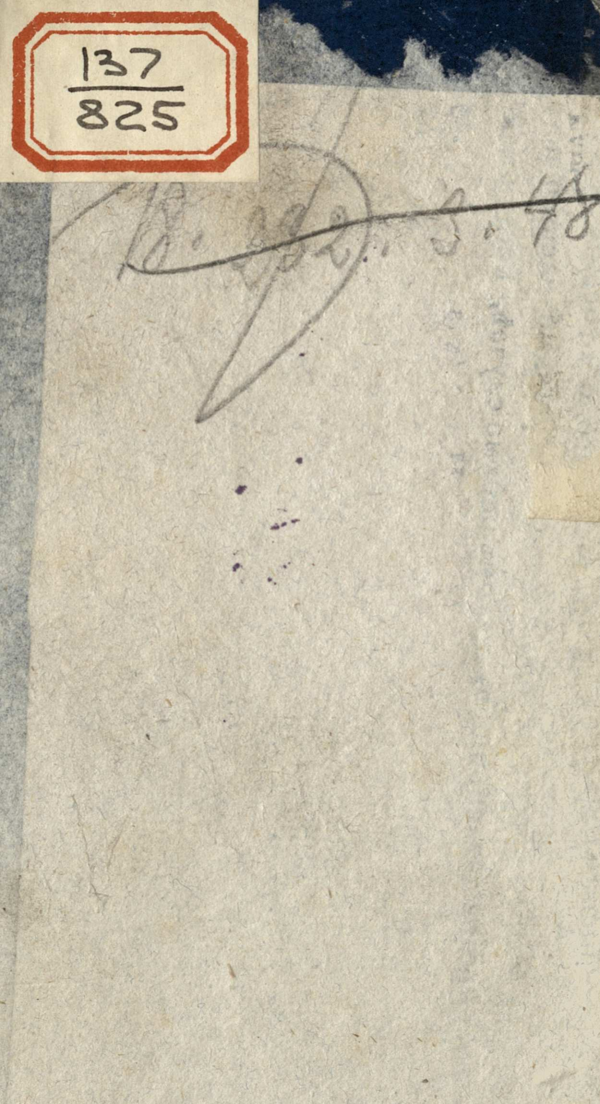
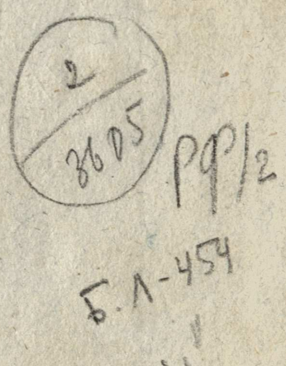

137
825

IK-4062.

5

18 232 3 48

НЕПОРОЧНЫЯ
ЗАБАВЫ

или

НЕВИННОЕ
ПРЕПРОВОЖДЕНІЕ

Празднаго времени.

95-004

ГОСУД. ПУБЛИЧ... ДУБЛЕТ ...ЕКА

Иждивеніемъ Н. Новикова и Компаніи.

ВЪ МОСКВѢ,

Въ Университетской Типографіи у Н. Новикова, 1783 года.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ, я читалъ книгу подъ заглавіемъ: Непорочныя Забавы, *и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,*

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде

ЕЯ

ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

ЕЛИСАВЕТѢ ФЕДОРОВНѢ

ЗАБОРОВСКОЙ,

МИЛОСТИВОЙ ГОСУДАРЫНѢ.

ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО

Милостивая Государыня!

Глубокое почтенiе и искреннѣйшая преданность, какопыя я имѣю къ особѣ Вашего Препосходительстпа, были причинами, побудипшими меня поспятить имени Вашему сiе слабое произпеденiе моихъ пооброженiй. Милостипое принятiе онаго умножитъ число благодѣянiй, япляемыхъ Вами къ учащимся Россiя-

намъ, и усугубитъ въ сердцѣ моемъ жаръ, быть непрестанно, такъ какъ нынѣ есмь,

ВАШЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА

Милостивой Государыни

Преданнѣйшій слуга

Михайла Бенедиктовъ.

НЕПОРОЧНЫЯ ЗАБАВЫ.

I.

ЛАМІЙ и СЕЛИМА.

Въ пространныхъ берегахъ Ликійскихъ, посреди полей, окружающихъ быстротекущій источникъ, находилась пещера, обитаемая нѣкоторымъ старцемъ. Природа въ странѣ сей, казалось, употребила всю хитрость на украшеніе сей безмолвной пустыни. Она хотѣла показать, сколь должно стыдиться гордящемуся смертнаго уму, чающему превзойти своимъ искуствомъ премудрость естества.

Прелестная зелень, разстилающаяся по лугамъ, испещренная тьмами пріятныхъ цвѣтовъ, и орошаемая сребряными ручайками,

не чувствуя на себѣ никогда тяжести подъ стопами человѣковъ, восприимала одни только зефиры, упадающіе въ нѣдра ея. Огромныя дерева, древностію своею равныя міру, составляли нѣкоторую священную сѣнь, вселяющую ужасъ и трепетъ сердца. Верхи оной соплетенные изъ сгущенныхъ вѣтвей, противоборствуя сіянію солнца, не допущали тонкій лучь проникнуть густоту ихъ. Широкія листвія при спокойномъ движеніи воздуха, тихимъ колебаніемъ производили печальный шумъ, и казались сѣтующими, что ни единъ изъ смертныхъ не наслаждался ихъ тѣнію. Никогда не раздавался въ сихъ спокойныхъ и благополучныхъ мѣстахъ стонъ звѣрей, или гонимыхъ нещастіемъ человѣковъ. Одни только птицы, свившія гнѣзда свои на высокихъ древахъ, плѣняющимъ пѣніемъ приносили поздравленіе восходящему солнцу, и платили дань благодарности заходящему.

Безмолвный житель сей пустыни, добродѣтельный *Ламій* былъ отягченъ бременемъ глубокой старости. Сѣдины главы его бѣлизною подобились снѣгу, и долгая брада, покрывающая перси его, простиралась до пояса. Почтенное его чело было покрыто морщинами, предвѣстниками приближающейся смерти. Согбенный старостію хребетъ наклонялся тогда только, когда *Ламій* съ благоговѣніемъ покланялся Вышнему, и приносилъ Зиждителю во всесожженіе сокрушенный духъ съ колѣнопреклоненіемъ. Онъ не имѣлъ другаго упражненія; *Селима* дщерь его ежедневно собирала зрѣлые плоды съ деревъ, и уготовляла сладкій обѣдъ родителю. Она ткала ризы ему своими руками изъ соку земли, выходящаго изъ скважинъ, и разстилающагося на поверхности Аміанта. Дикій камень служилъ имъ покровомъ вмѣсто стѣнъ, употребляемыхъ во градѣ.

Не далеко отъ ихъ пещеры находился водометъ, котораго шумъ наводилъ нѣкоторое сладкое смущеніе. *Ламій* часто выходилъ изъ своего жилища, и приближившись къ нему, плѣнялся зрѣніемъ біющей на воздухъ влажности, и извивающимся струямъ удивлялся. Тихое ихъ журчаніе производило въ душѣ его пріятное безмолвіе, и восхищало мысль къ мудрымъ размышленіямъ о Богѣ, естествѣ и человѣкѣ. Ступая по развалившимся древамъ, кои время обращало паки въ землю, изъ которой они прозябли, напоминалъ онъ о смерти. „И мой составъ подобно имъ „разрушится, вѣщалъ онъ. Вели„кій Строитель міра! прими въ „свои объятія духъ мой, часть „твоего дыханія„. Ползающій подъ стопами его черьвь не ужасалъ *Ламія*, хотя и напоминалъ ему, что по смерти тѣло его будетъ снѣдію сихъ несѣкомыхъ. Сей страхъ свойственъ однимъ только Вельможамъ. Часто

Часто приходила туда *Сиги-ма*, когда онъ предавшись мыслямъ о человѣкѣ, иногда восхищался его достоинствомъ, и благодарилъ Промыслъ; иногда мыслилъ о благѣ, уготованномъ для него въ вѣчности; иногда представлялъ пороки человѣковъ, и проливалъ горькія слезы. Она не могла быть долго безъ него: естьли онъ выходилъ изъ пещеры, она ему послѣдовала, дабы не приключилось чего нибудь на лугахъ безсильному старцу. Исполнена нѣжнаго чувствія къ родителю, она сама себѣ казалась неблагодарною, естьли когда забывала, сколько она обязана за попеченія, употребленныя имъ о юности ея. Часто взирая на трепещущія стопы его, и видя приближающуюся послѣднюю минуту, которая похититъ у нее сіе безцѣнное для нея сокровище, испущала глубокія воздыханія и заливалась слезами. „О родитель мой! вопіяла „она тогда, кто будетъ покро-

„вомъ

„ вомъ моей младости и правите-
„ лемъ не зрѣлыхъ еще чувствова-
„ нiй сердца, увы! кто?

„ Богъ, вѣщалъ ей *Ламiй*, об-
„ щiй Отецъ всѣхъ, и покровитель
„ невинности. Будь непорочна,
„ старайся угождать ему всякую
„ минуту; ты будешь имъ люби-
„ ма, и дни твои процвѣтутъ въ
„ щастiи „. Тогда открывалось про-
странное поле наставленiй, и *Се-
лима* собирала на устахъ своего
родителя правила невинности и
сопутствующаго ей благополучiя.
Она научалась быть скромною,
благоразумною, хранить цѣломуд-
рiе, и удаляться скверной мысли.

Нѣкогда она оставила *Ламiя*
въ пещерѣ и пошла на близлежа-
щiй морской берегъ. Не много спу-
стя *Ламiй* видитъ ее въ слезахъ,
ничего не вѣщающую, испущающую
только глубокiя воздыханiя. „ Ка-
„ кое пагубное предвѣстiе возму-
„ щаетъ

„ щаетъ твою душу? рекъ ей *Ла-*
„ *мій.* Или буря поломала цвѣты
„ твои, коими рука твоя украша-
„ ла мои сѣдины „? Долго не от-
вѣчаетъ *Селима*; потомъ повергшись
на шею къ *Ламію*, умножила свои
рыданія, и изпустивъ тяжкій стонъ
вѣщала: „ О день, нещастнѣйшій
„ въ моей жизни! день, который
„ будетъ возмущать прекраснѣйшія
„ мои минуты! О любезнѣйшій ро-
„ дитель! какое печальное зрѣлище
„ поразило мое сердце! Я прохажи-
„ валась по брегу; солнце изливало
„ лучи свои на землю со всею си-
„ лою; воздухъ былъ недвижимъ,
„ и спокойное море представляло
„ гладкую и прозрачную поверхность.
„ Вдали видѣнъ былъ корабль съ
„ разпущенными парусами. Сколь
„ прекрасенъ онъ мнѣ казался! я не
„ спущала глазъ моихъ съ него, и
„ казалась сама себя забывшею.
„ Но вдругъ потемнѣло небо, и мо-
„ ре почернѣло. Свирѣпые вихри
„ крутились поверхъ воды, и воз-

„ ды-

„ дымали волны до самыхъ обла-
„ ковъ. На суднѣ видно было сму-
„ щеніе; парусы направлены были
„ къ берегу, и несли ко мнѣ сію
„ громаду съ непонятною скоростію.
„ Колико я радовалась, видя при-
„ ближающійся корабль ко брегу!
„ На немъ находились подобныя намъ
„ человѣки. Ахъ человѣки подобные
„ намъ! они въ смятеніи, броса-
„ лись во всѣ стороны, и лица ихъ
„ были блѣдны, какъ полумертвыя.
„ Уже нѣкоторая надежда начинала
„ оживлять ихъ взоры, когда при-
„ ближались къ берегу, и казалось,
„ что я начинала соединять радо-
„ стныя мои плески съ ихъ воскли-
„ цаніями; какъ вдругъ. . . . Увы
„ дражайшій родитель! огради сердце
„ свое мужествомъ противъ жесто-
„ кой напасти, готовящейся пора-
„ зить тебя. Вдругъ потряслися
„ мачты, скрыпнули, и съ страш-
„ нымъ громомъ пали. О часъ,
„ оставшійся въ моей памяти на
„ вѣки! Корабль раздѣлился на двое, и

„ море-

„мореходцы. . . . Прости, роди-
„тель моей слабости, и не вопро-
„шай болѣе о нещастіи, котораго
„образъ возмущаетъ мою душу.
„Мучительный стонъ раздался по
„берегу; страхъ объялъ меня и жа-
„лость; слезы покатились изъ
„глазъ моихъ, и закрыли видъ
„нещастныхъ человѣковъ. Колѣна
„мои затряслися, и я не помню,
„какъ возвратилась въ пещеру.„

Ламій слушалъ со вниманіемъ, имѣя на челѣ своемъ изображенное соболѣзнованіе. Потомъ обнявъ *Селиму*, и прижимая ее къ персямъ: „Благодарю Небеса, возопилъ съ „сердечною радостію, благодарю „Небеса, что душа твоя наполнена толь нѣжныхъ чувствованій. „Познаю теперь, что слова мои „въ тебѣ дѣйствительны. Воста„ни, любезная дщерь, и отри свои „слезы„. Тогда открывалъ онъ ей истинны сокровеннѣйшей Философіи. Онъ увѣрялъ ее, что зло необходимо

на свѣтѣ; что нещастіе часто служитъ средствомъ къ избѣжанію большихъ напастей; и что мы по-большой части бываемъ сами причиною оныхъ. Наконецъ рекъ: „Щастливъ тотъ и благополученъ въ „самыхъ мучительнѣйшихъ горестяхъ, кто хранитъ непорочность „и правду; кто почитаетъ Бога, „и слѣдуетъ добродѣтели„! Онъ часто печатлѣлъ въ душѣ ея таковыя наставленія.

Въ одинъ день, когда солнце совершило половину своего пути, и позлащенные лучи со всею силою ударяли на землю, *Ламій* внушалъ дщери своей должности цѣломудрія. „Природа снабдила тебя поломъ, „вѣщалъ онъ ей, въ которомъ царствуютъ прелести и нѣжность. „Берегись ихъ очарованія. Они сладостны, но слѣдствія ихъ ядъ „для непорочности. Любовь сначала представляетъ одни только „непорочныя утѣхи, и въ видѣ не-

„вин-

„ винности беретъ власть надъ „ сердцемъ, не огорчая ни мало „ добродѣтели. Но возобладавъ чув„ ствами, она представитъ сладо„ сти, отъ которыхъ никакія пре„ грады благонравія отвратить не „ сильны. Для того то вѣчная „ Премудрость начертала законъ, „ который признаетъ преступникомъ „ того самаго, кто только воз„ зрѣлъ съ распаленіемъ на предметъ „ любезный. Я чту и обожаю сіе „ священное правило! повинуйся и „ ты ему, дщерь моя. „

При сихъ словахъ юная *Селима* покраснѣла, глаза ея потупились въ землю, и на лицѣ изображалось внутреннее безпокойство мятущагося духа. „А! дщерь моя, „ рекъ *Ламій*: конечно сердце твое „ когда нибудь чувствовало прико„ сновеніе сего порока. Но я по„ знаю, что ты добродѣтельна. „ Стыдъ позгорѣвшій въ очахъ тво„ ихъ о томъ меня увѣряетъ. Яви

„ мнѣ тайну твоего сердца; не „ стыдись открыть отцу, который столько имѣетъ къ тебѣ „ любви, сколько строгости. Можетъ быть одна мысль, возбудившая нѣкогда въ душѣ твоей нѣжность, приводитъ тебя въ смятеніе; не стыдись признаться „ твоему другу.„

Селима отъ словъ сихъ пришла въ большее замѣшательство; и безпорядочно отвѣчая: „ Нѣтъ... я чувствовала силу... Твой гласъ... „ Я воображала.. Потомъ не возмогши противиться любви своей къ родителю, и силѣ словъ его, повергласъ къ нему на шею, оросила оную слезами, и лобызая руки его, вѣщала: „ О другъ добродѣтели! обнажу сердце мое предъ тобою; предъ тобою, отче мой, „ обнаружу все, что во глубинѣ „ души моей заключается. Такъ, „ ты достоинъ того; ты любезнѣйшій и нѣжнѣйшій родитель; и ябъ

„ была

,, была не благодарна, не достойна
,, чистѣйшихъ твоихъ наставленій,
,, естьлибъ что сокрыть отъ те-
,, бя восхотѣла. Вчера уклонилась
,, я въ отдаленную рощу. Полднев-
,, ный зной производилъ въ душѣ
,, моей пріятную томность и из-
,, неможеніе, и сонъ нечувствитель-
,, но сомкнулъ глаза мои подъ Мир-
,, товымъ древомъ. Воздремала я,
,, и проснувшись узрѣла предъ со-
,, бою юнаго человѣка. Онъ отсту-
,, пилъ отъ меня, когда отворились
,, глаза мои; я такъ же нѣсколько
,, отъ него отдалилась. Долгое
,, время взирая другъ на друга не-
,, подвижны, наконецъ приближился
,, онъ ко мнѣ, и я отъ него не
,, бѣжала. Образъ его казался милъ
,, моему сердцу; онъ ухватилъ мою
,, руку, и жалъ съ нѣкоторою пріятно-
,, стію. Потомъ произнесъ нѣсколь-
,, ко словъ, которыхъ я не пони-
,, мала. Жаръ главы его казался
,, мнѣ чувствителенъ. Я не могла
,, терпѣть, что зной палилъ обна-

„ женное чело его; сняла съ груди „ моей покрывало, и положила на „ власы его. Онъ ничего не говорилъ: „ но глаза его изображали ту благо- „ дарность, которая въ сердцѣ „ его печатлѣлась. Онъ обнялъ „ меня, и соединилъ уста свои съ „ моими. Тогда почувствовала я „ стыдъ, страхъ, и пріятность, „ бросилась отъ него прочь, и воз- „ вратилась въ пещеру. „ Сказавъ сіе, она паки покраснѣла, и глаза опустила въ землю.

Ламій радуяся во внутренно- сти сердца своего, что *Селима* толь чувствительна къ добродѣте- ли, ничего не отвѣчалъ ей. По нѣкоторомъ размышленіи онъ взялъ ее за руку и повелъ къ отдален- ному источнику. Они сѣли подлѣ біющихъ водъ. *Селима* сказала, что она видѣла чудный сонъ въ прошедшую ночь. „ Раскажи мнѣ „ оный, рекъ *Ламій*; и она начала слѣдующимъ образомъ.

„ Каза-

„Казалось мнѣ, что я находи-
„лась въ нѣкоторой темной рощѣ.
„Я зрѣла тамъ великое множество
„людей въ различныхъ одѣяніяхъ.
„Они разговаривали между собою,
„но я ничего не разумѣла. По-
„томъ пришелъ къ нимъ нѣкото-
„рый мудрецъ величественнаго ви-
„да, покрытый сѣдинами и одѣян-
„ный мантіею. Вдругъ началось
„глубокое молчаніе; всѣ дѣлали
„ему почтеніе: но онъ, казалось,
„съ хладностію взиралъ на тѣхъ,
„кои большую учтивость ему оказы-
„вали. Онъ остановился посреди
„ихъ, и когда всѣ на него устре-
„мились, *Существо существъ*,
„рекъ онъ, *есть начало всѣхъ*
„*вещей въ пространствѣ нашего*
„*міра. Онъ столько же величе-*
„*ственъ въ твореніи каждой бы-*
„*линки, сколько въ созданіи чело-*
„*вѣка. Премудрость его равно*
„*непостижима въ каждомъ насѣ-*
„*комомъ, какъ и въ безмѣрныхъ*
„*тѣхъ громадахъ, коихъ мы*

 „сло-

„ *слонами и китами называемъ. Но*
„ *человѣкъ слабъ; чувства его ту-*
„ *пы; мы не можемъ видѣть, ка-*
„ *кая красота, какая стройность,*
„ *какая премудрость сіяетъ въ*
„ *сложеніи каждаго листка на*
„ *деревѣ; нашъ разумъ не пони-*
„ *маетъ ни нужды, ни союза, ни*
„ *взаимнаго ихъ между собою*
„ *отношенія.* Старецъ остановил-
„ ся, а стоящій подлѣ него рекъ
„ тако: *Ты хочешь сказать, что*
„ *мы должны хранить почтеніе*
„ *къ каждому существу на свѣ-*
„ *тѣ; ибо они всѣ произведены*
„ *сильною рукою Деміургоса, и во*
„ *всѣхъ блистаетъ премудрость*
„ *достойная толикаго Строителя.*
„ *И потому съ большимъ благого-*
„ *вѣніемъ*, прервалъ старецъ, *обя-*
„ *заны удивляться великому*
„ *Архитектору свѣта.* Тогда всѣ
„ пали на колѣни, и приложивши
„ руки къ персямъ, приклонились
„ лицемъ къ земли. Въ то время я
„ проснулась, и объята была уди-

вле-

„ вленіемъ. „ *Ламій* съ восхищеніемъ внималъ повѣствованію сего сновидѣнія, толико чистаго, какъ и душа сей непорочной дѣвицы.

Селима взирая на *Ламія*, съ жадностію ожидала, что онъ говорить станетъ. Но вдругъ узрѣла вдали агнца преслѣдуемаго волкомъ. „ Ахъ! вскричала она, и устремилась бѣжать за ними. Сіи животныя въ мгновеніе сокрывшись въ лѣсъ исчезли: а *Селима* возвращается къ родителю съ жалостію и досадою. „ Чудовище! вопіетъ она, кроткое и невинное „ животное будетъ его жертвою! „ Сіе меньше удивительно, нежели „ ты думаешь, прервалъ *Ламій*. „ Все связано неразрушимою цѣпію „ въ природѣ; одно другому слу- „ житъ, и необходимо для него „ нужно. Смерть единаго часто „ бываетъ началомъ существованія „ другаго, такъ какъ и рожденіе

 „ од-

„ одного часто разрушаетъ бытіе „ другаго, и сей законъ въ естествѣ пребудетъ на всегда священнымъ. Меня паче всегда удивляетъ „ то, что человѣкъ часто нападаетъ на человѣка и терзаетъ „ внутренность его, не ощущая ни „ малѣйшей жалости. Дѣти единаго естества одинъ противъ другаго свирѣпствуютъ, какъ лютые тигры. Трепещи, дщерь „ моя, естьли когда увидишь сіе, „ и почитай язву сію между смертными, изшедшею изъ нѣдръ мрачнаго тартара. „

Солнце ужѐ до половины поглощалось въ волнахъ, и разстилая по земли мрачную завѣсу, готовилось совсѣмъ погрузиться въ море. *Ламій* и *Селима* возвратились въ свою хижину, дабы подъ каменнымъ покровомъ, при свѣтѣ жирныхъ древесныхъ соковъ, спокойнѣе наслаждаться чистыми своими размышленіями. Они мало вкушали

сна.

сна. Роскошь имъ была не извѣстна, и не обременяла тѣло ихъ сгущенною влажностію, располагающею къ безпрерывному дреманію. Они были воздержны, слѣдственно и бодрственны.

На другой день, когда небесные своды поблѣднѣли, и тма начинала удаляться, *Селима* для собранія плодовъ родителю своему, удалилась изъ пещеры. Она вышла тихо, дабы не встревожить старца, покоющагося въ объятіяхъ пріятнаго сна. Нѣкоторое тайное предчувствіе производило въ ней печальныя мысли; она задумавшись ступала, и нечувствительно зашла такъ далеко, что не знала, въ которой странѣ оставалась ея хижина.

Заблуждая долгое время, наконецъ услышала вдали человѣческій голосъ. Радость ея была чрезвычайна. „ Небо! вскричала она, я

„ скоро увижу родителя.„ Сказавъ сіе побѣжала въ ту сторону, гдѣ слышала голосъ. Приближившись къ двумъ незнакомымъ мущинамъ, она проситъ ихъ чувствительнѣйшимъ образомъ показать ей дорогу къ морскому берегу. „ Сжальтесь надо „ мною, незнакомые; я бѣдная заблу„ дила въ лѣсу, и не знаю, куда „ итти къ моему жилищу. Тамъ „ ожидаетъ меня родитель, любе„ знѣйшій и нѣжнѣйшій родитель; „ какое я ему причиняю мученіе! „ Я ушла, когда онъ еще не про„ будился. Доведите меня къ не„ му; онъ весьма за то обязанъ „ будетъ вами, и наградитъ васъ. „ Онъ богатъ: у жилища его про„ текаетъ источникъ самыхъ чи„ стыхъ водъ; у него есть посохъ, „ и три покрывала, здѣланныя мо„ ими руками, коими онъ защи„ щаетъ голову отъ зноя. Вотъ „ вамъ половина моихъ плодовъ; „ другая будетъ составлять слад„ кій обѣдъ нашъ.„

Такъ

Такъ *Селима* просила ихъ. Но коль велико было ея удивленіе, когда сіи незнакомые употребивъ насиліе, совлекли съ нее одежду и побѣжали прочь. „Куда вы бѣжите, „кричала она въ слѣдъ имъ; покажите мнѣ дорогу; я вамъ больше дамъ, нежели вы отняли у „меня.„ Но тщетно было ея стараніе возвратить ихъ. Они удалились, и *Селима* въ горести и отчаяніи, утомленная трудами и распаленная зноемъ солнца, сѣла подъ тѣнь густаго древа, и нечувствительно заснула.

Въ то самое время *Лилибей*, протекающій сію пустыню, приближился къ сему мѣсту. *Узрѣвъ Селиму*, простертую на травѣ и лишенную покрывала, онъ удивляется, мнитъ, что она мертва, притекаетъ къ ней ближе, и въ смущеніи на нее смотритъ. Грудь подъемлемая дыханіемъ возвѣстила ему о ея жизни. „*Она спитъ*, рекъ онъ; и отступаетъ отъ нее далѣе.

Око

Око смертнаго не зрѣло никогда толикой красоты, каковою поразилось тогда сердце *Лигибея*, взирающаго на *Сегиму*. Въ толь прелестномъ положеніи началъ онъ ее разсматривать со вниманіемъ. Мысли его терялись въ безднѣ пріятностей, и онъ не зналъ, на которой прелести остановить алчные свои взоры. Жаркая кровь переливалась въ жилахъ ея ощутительно; она казалась облеченною розами, въ коихъ румяность и бѣлизна спорили между собою. Руки ея, подобныя снѣгу, были распростерты на зеленомъ дернѣ, и долгіе черные власы, возмущаемые зефирами, извиваясь колечками, волновались нѣжно на груди ея. Но колико еще сонъ ее украсилъ! на величественномъ челѣ начертанна была гордость непорочнаго духа и нѣкоторое уныніе. Сомкнутые глаза, казалось, дышали еще огнемъ, существующимъ въ ея бытіи. Вся душа ея представлялась на ея лицѣ,

и

и ощущенія сердца на ономъ открывались. Смущеніе, глубоко впечатлѣнное въ ея мысли, производило сонныя мечтанія, отъ коихъ раждающіяся воздыханія, подъемля прекрасную грудь ея, исторгалися въ воздухъ, и на розовыхъ устахъ ея умирая, восприять себя призывали.

Толикія заразы, и притомъ свѣтлая лазурь безоблачнаго неба, кристаллъ чистаго источника, протекающаго не далеко отъ того мѣста, подобнаго прозрачностію воздуху, пестрота луговъ и благовоныя соки травъ, разсыпающіяся по воздуху, и объемлющія обоняніе, все сіе, и сильное сіяніе солнца, стоящаго надъ главою и проливающаго лучи свои по прямой линеи на землю, воспламеняло душу юнаго *Лилибея*, вливало сладкое изнеможеніе и пріятную томность въ сердце его.

Посреди сихъ прелестей, чувства его толико распаленны были, что онъ совсѣмъ уже готовъ былъ упасть въ объятія *Селимы*; но вдругъ твердость воспрянула въ душѣ его. Сорвавъ съ себя верхнее одѣяніе, бросилъ онъ на *Селиму*, вѣщая къ ней громко: „*Сокрой, Бо*„*гиня, прелести, поглощающія*„*мое мужество.*„

Благодарность, стыдъ, робость и удовольствіе: вотъ пріятное смѣшеніе страстей, которымъ наполнена была душа *Селимы* въ то время, когда отворились глаза ея. Она не знаетъ, что начать въ семъ безпорядкѣ. *Лилибей* ободрятъ ее; онъ вопрошаетъ о ея приключеніи; познаетъ ея нещастіе, и предлагаетъ ей свои услуги. „Ты „хочешь препроводить меня къ ро„дителю, вопрошаетъ *Селима*. „Такъ, вѣщаетъ *Лилибей*, я не„терпѣливо желаю тебя съ нимъ „видѣть; скажи мнѣ, въ которой

„стра-

„ странѣ его жилище. Ахъ избавитель! прерываетъ *Селима*; онъ „ живетъ не далеко отъ береговъ „ моря. „ Они по семъ взялись за руки и пошли.

Старецъ изшедъ изъ своей пещеры, и сидя въ преддверіи жилища, обращалъ повсюду жадные свои взоры, ищущіе *Селимы*. Не видя ее долго возмутился онъ въ душѣ своей, и мнилъ, что не увидитъ ее во вѣки. Наконецъ зритъ ее приближающуюся, провождаемую юнымъ человѣкомъ. Сердце его воспрепетало отъ радости. „ Я мнилъ, „ что лишился тебя на вѣки, дщерь „ моя, вѣщаетъ онъ ей. Сіе конеч„ но бы учинилось, прерываетъ *Се*„ *лима*, естьлибъ Небо не послало „ мнѣ на помощь сего юнаго не„ знакомца. „ Потомъ расказываетъ ему свое приключеніе.

„ Такъ тебѣ я обязанъ щасті„ емъ, что вижу *Селиму*, единое

„ сокро-

„ сокровище, оставшееся мнѣ утѣ-
„ шеніемъ послѣднихъ дней моихъ? предпріялъ *Ламій* къ *Лилибею*, по окончаніи повѣствованія *Селимы*. „Добродѣтельный юноша!
„ скажи, чѣмъ могу показать тебѣ
„ мою благодарность. Въ возмездіе
„ за услугу, оказанную мною дще-
„ ри твоей, отвѣтствуетъ *Лили-*
„ *бей*, естьли можно требовать
„ награды за то, что должностію
„ почитается; въ возмездіе за сіе,
„ позволь мнѣ, почтенный старецъ,
„ имяновать тебя отцемъ моимъ,
„ а *Селимѣ* сказать, что я люблю
„ ее сердечно. Сердце твое достой-
„ но сей жертвы, рекъ *Ламій*; оно
„ добродѣтельно и любезно Небе-
„ самъ. *Селима*! познай въ немъ
„ твоего супруга; глаза твои мнѣ
„ вѣщаютъ, что онъ милъ твоему
„ сердцу „. Тогда возведя взоры къ небесамъ, и благословляя Содѣтеля вселенныя, *Ламій* соединилъ руки ихъ, и радостныя слезы покатились изъ глазъ его.

Сама

Сама природа съ величествомъ торжествуетъ бракъ ихъ; а юные супруги изъ единаго удовольствія преходятъ въ другое. „Какое бла-„женство! вопіетъ восхищенная *Селима*. „Источникъ нашихъ наслаж-„деній обитаетъ въ насъ самихъ; „самыя наши нужды суть наши „утѣхи. Ахъ, дражайшая часть „моего сердца! прерываетъ *Лилибей*; „ощущаемое мною въ тебѣ удоволь-„ствіе превосходитъ всѣ другія. „Твои сіянія, твой взоръ, напая-„ющій меня тысящею сладостей, „звукъ твоего гласа, протекающій „по всѣмъ жиламъ моимъ, и сла-„дость вкушаемая мною на устахъ „твоихъ, помрачаютъ всѣ преле-„сти природы. Но какую ты „цѣну, прервала *Селима*, поставля-„ешь за утѣхи, вкушаемыя тобой „со мною? *Любовь*, отвѣщаетъ *Лилибей*. *Любовь*? подхватила *Селима*. Сей гласъ раздался въ воздухѣ и птицы повторили оный.

Гос. Публичная Библиотека

II.

АМИНТЪ и СВИТОНЪ.

Аминтъ жилъ въ деревнѣ, былъ трудолюбивъ и доволенъ своимъ состояніемъ. Онъ обращалъ на полѣ плугъ, повѣрялъ сѣмена земной утробѣ, и собиралъ плоды собственными руками. Жена его сохраняла устройство въ домѣ, а дѣти на тучныхъ лугахъ пасли малое стадо. Сія благословенная семья утренніе часы посвящала на молитву и благодареніе Существу вышнему, днемъ трудилась на полѣ, а во время вечера вкушала отдохновеніе за трапезою. Молоко, хлѣбъ и нѣсколько плодовъ, составляли ихъ обыкновенное кушанье. За симъ малымъ столомъ *Аминтъ* наслаждался тою же роскошью, какою сластолюбивый *Сарданапалъ* за богатыми столами; и на свѣжей соломѣ спалъ столько же спокойно, сколько оный на розовой постелѣ, между двумя молодыми красавицами.

Его

Его сосѣдъ *Спитонъ* не такое имѣлъ сердце. Хотя житницы его занимали несравненно большее пространство земли, нежели *Аминтовы*, однако жадность его къ злату чрезъ то не уменшалась. Она была безпредѣльна, и пособы удовольствовать ее, недостаточны. Онъ все почиталъ дозволеннымъ къ разширенію своего изобилія; злато составляло его славу, законъ и добродѣтель.

Два проѣжжающіе купцы остановились у него препроводить ночь. *Спитонъ* примѣтилъ, что они везутъ съ собою великое богатство. Душа его симъ воспламенилась. *Ты будешь безчувственъ*, твердило ему сребролюбіе, *естьли не воспользуешся симъ щастіемъ*. „ Но что должно предпріять мнѣ? говорилъ „ онъ. Одинъ страшусь приступить къ сему намѣренію.... Но я „ имѣю сосѣда; такъ, *Аминтъ* мнѣ „ въ семъ товарищъ. Онъ бѣденъ;

 „ недо-

„ недостатки угнѣтаютъ семью его;
„ злато конечно воспламенитъ его
„ душу, подобно какъ и мой духъ
„ имъ окованъ. Иду къ нему; онъ
„ соглашается; получаемъ знатное
„ богатство; торжествую!„ Съ сею
мыслію онъ идетъ къ другу, и
открываетъ ему вредныя свои намѣренія.

Аминтъ вострепеталъ отъ словъ его. „Что предпріемлешь ты,
„ другъ мой? вѣщаетъ онъ *Спитону*. Какъ? осквернить руки чу-
„ жимъ имѣніемъ? Нѣтъ, я во вѣ-
„ ки не соглашусь на то. *Спитонъ*
воззрѣвъ на него свирѣпымъ окомъ,
вѣщаетъ: „Подлый и малодушный
„ рабъ! ты не достоинъ обладать
„ богатствомъ. Стени безпрестан-
„ но подъ игомъ презрительной ни-
„ щеты.„ Онъ рекъ, и удаляется
къ исполненію пагубнаго сего дѣйствія.

Аминтъ отъ словъ сихъ пришелъ въ изумленіе: подобно какъ

пора-

пораженный громомъ, надъ коимъ каменная гора съ ужаснымъ трескомъ разсѣлась, и сверкающая во мракѣ молнія освѣщаетъ великія камни, отторженныя отъ горы и катящіяся въ море съ великимъ шумомъ, когда ревъ и свистъ бореевъ, крутящихся надъ главою, проницаютъ слухъ и сердце путника. Смущенъ и неподвиженъ долгое время, наконецъ возопилъ онъ:
„ О Боже! не создалъ Ты ни злато
„ ослѣплять глаза наши, ни насъ
„ ослѣпляться блескомъ его. Какой
„ злобный врагъ вливаетъ въ сердце
„ человѣка толикую любовь къ оно-
„ му. Бѣдные сребролюбцы! вы
„ страждете посредѣ изобилія ва-
„ шего. Чая повелѣвать великому
„ числу народа, вы покаряетесь
„ безчувственному металлу. Подо-
„ бно плѣнникамъ, стенающимъ въ
„ тяжкихъ узахъ, вы рабы обо-
„ жаемаго вами истукана; съ тѣмъ
„ только различіемъ, что стражде-
„ те подъ златыми оковами. За-

,, быть все, и устремиться на
,, жизнь существа подобнаго себѣ!
,, Небо! отврати праведный гнѣвъ
,, твой отъ пораженія сихъ зло-
,, дѣевъ, да не скончаются дни ихъ
,, въ студѣ и отчаяніи. О *Спи-*
,, *тонъ*, любезный *Спитонъ*, колико
,, ты злополученъ! Пойду, истор-
,, гну его изъ сего глубокаго за-
,, блужденія; или по крайней мѣрѣ
,, отвращу способы къ злодѣянію.
,, Теку избавить друга моего отъ
,, погубленія. Существо благо-
,, творное! приклонись ко мнѣ на
,, помощь. По сихъ словахъ *Аминтъ*
спѣшитъ въ домъ *Спитоновъ*,
ищетъ путниковъ, которые распо-
ложились здѣсь ожидать солнечнаго
восхожденія, и обрѣтши ихъ, объ-
являетъ тайно, что нѣкто силь-
ный вельможа извѣстясь, что они
находятся въ семъ мѣстѣ, послалъ
рабовъ своихъ отнять у нихъ имѣ-
ніе; что время дорого, и не теряя
ни одной минуты должно удалить-
ся имъ отсюда. *Аминтъ* зрѣлъ
успѣхъ

успѣхъ въ своемъ желаніи. Купцы отправились въ путь при свѣтѣ блѣдной луны; а онъ возвратился въ домъ свой, наслаждаясь воображеніемъ блага, учиненнаго имъ ближнему.

Спитонъ видя предпріятіе свое тщетнымъ, воскипѣлъ яростію и гнѣвомъ. Онъ не сумнѣвался, что *Аминтъ* былъ причиною сего; и для того заключилъ въ сердцѣ своемъ на вѣки противъ него злобу. Злополучны безпомощные, естьли сильный противъ нихъ вооружается, и поставляетъ удовольствіемъ, зрѣть слезы извлеченныя изъ очей бѣднаго своею жестокостію.

Малое *Аминтово* стадо состояло только въ трехъ овцахъ. *Спитонъ* увидѣвъ одну отдалившуюся отъ прочихъ, и ходящую подлѣ его луговъ, повелѣлъ загнать къ себѣ и убить. *Аминтъ* пришелъ къ нему, и съ жалостію про-

силъ не лишать его оной. „У
„ меня двѣ только остались, гово-
„ рилъ онъ. Возврати мнѣ третію;
„ ты увидишь, сколь благодарная
„ семья о семъ тебя проситъ. Я
„ нашелъ ее на моихъ лугахъ, от-
„ вѣтствуетъ *Спитонъ.* Ты бѣ-
„ денъ, и не можешь наградить оби-
„ ду, которую она мнѣ причинила.
„ Я бѣденъ, вѣщаетъ *Аминтъ*;
„ но ты усугубляешь мои неща-
„ стія; не умножай горести судьбы
„ моей. Какъ же быть, другъ мой,
„ отвѣчаетъ *Спитонъ.* Природа
„ поставила законъ, который даетъ
„ право *защищать и хранить*
„ *каждому свое.* Покорствуй сему
„ безъ роптанія; ты виноватъ; и
„ я милостиво поступилъ съ тобою,
„ взявъ половину только того,
„ что ты отнялъ у меня своею
„ неосторожностію. Возвратись до-
„ мой съ благодарностію, и впредь
„ не будь столько нерадивъ къ сво-
„ ей должности."

Аминтъ

Аминтъ возвратился въ молчаніи. Жена его весьма чувствительна была къ сей утратѣ. Она начала произносить жалобы, и призывать Небо ко мщенію утѣснителя: но онъ приказалъ ей молчать, и желалъ благополучія своему сосѣду.

По прошествіи нѣкотораго времени *Спитонъ* отнялъ у него послѣднюю лошадь. „Она мнѣ „принадлежитъ; не спорь *Аминтъ*, „или потеряешь больше„. Въ такомъ случаѣ, когда сильный подавляетъ слабаго, одно только молчаніе остается утѣшеніемъ. *Аминтъ* все сіе пренесъ великодушно. Онъ благословлялъ Небо, что посѣщаетъ его нещастіями; желалъ блага *Спитону*, и проливалъ моленія къ Вышнему, чтобъ сосѣдъ его учинился лучшимъ.

Между тѣмъ злоба, вкоренившаяся въ сердцѣ *Спитона*, разливала ядъ свой по всѣмъ жиламъ его и заразила душу на вѣки сего злобнаго человѣка. День, въ которой

онъ не видѣлъ знатнаго приращенія своего богатства и не привлекалъ къ слезамъ своихъ сосѣдей, коихъ злость его ежедневно потрясала, сей день почиталъ онъ огорченіемъ въ своей жизни. Законъ, природа и человѣкъ были въ глазахъ его ничто: единое злато достойно было занимать его попеченія. Предъ нимъ преклонялись его колѣна, и нечестивое сердце съ сокрушеніемъ обожало сего истукана. Въ немъ находилъ онъ свое щастіе, надежду и утѣшеніе; а мщеніе вѣнчало совершенство сихъ утѣхъ.

Аминтъ имѣлъ двухъ сыновъ. Юнѣйшаго изъ нихъ похитилъ *Спитонъ*, и включилъ въ число рабовъ своихъ. О Боже! подвигнись о злодѣяхъ на жалость; они болѣе сожалѣнія достойны, нежели нещастные угнѣтаемые ими; ибо конечно ужаснѣе зло дѣлать, нежели терпѣть. *Аминтъ* лишился сына: родительское сердце уязвилось въ немъ.

немъ. Но впечатлѣніе сего нещастія не можетъ еще поколебать твердости души его. Призвавъ жену и оставшагося сына, онъ тако вѣщалъ имъ: „Надлежитъ признаться, что неистовство и „злость *Спитона* превосходитъ „мѣру, и ввергаетъ насъ въ же„стокое злоключеніе. Великое бо„гатство, власть его, сребролю„біе и злоба угнѣтающая насъ безъ „жалости; все сіе въ немъ „ужасно. Но воспряните отъ „унынія силою геройскою. Благо„дѣтельный Промыслъ повсеминут„но о насъ печется. Почто по„гружаться намъ въ жестокое от„чаяніе? Бѣдствія, которыя насъ „терзаютъ, Провидѣніе для того „ниспосылаетъ, дабы испытать „мужество наше. Естьли посре„дѣ сихъ кровавыхъ волнъ и реву„щихъ громовъ твердость духа на„шего не поколеблется, и съ величе„ствомъ явится посредѣ сверкаю„щихъ молній торжествующимъ, Не-

„бо признаетъ насъ чадами своими,
„ достойными его покровительства.
„Оно конечно попечется о насъ, и
„ не попуститъ до конца погибнуть.
„ Внемлите, колико оно милосердо
„ къ намъ; вы скоро увидите бла-
„ гость его. Я иду къ престолу право-
„ судія, и конечно съ успѣхомъ
„ возвращусь оттуда.„

Сими словами подкрѣпивъ добродѣтельную семью свою, и оградивши сердце свое терпѣніемъ и надеждою, *Аминтъ* идетъ къ судіямъ долженствующимъ защитить его невинность. Слова его были разительны; при каждомъ выраженіи сіяла справедливость и твердость души непоколебимой въ гоненіяхъ. Всѣ согласились удовольствовать его; но злато блеснувъ въ глазахъ слабыхъ судей, приклонило ихъ на свою сторону. Приговоръ совершенъ; *Спитонъ* торжествуетъ; домъ и поля *Аминтопы* учинились удѣломъ пространнѣйшихъ его владѣній.

ній. „ Такъ, сіе принадлежитъ мнѣ, „ говоритъ сей подлый сластолю- „ бецъ. Десять уже лѣтъ питаю „ я тебя и семью твою; нынѣ „ пришелъ отъ того въ разо- „ реніе. Не хочу болѣе изливать „ мои благодѣянія на неблагодарныхъ „ питомцевъ. „

Твердость души *Аминтоπой* начала нѣсколько колебаться. Онъ почувствовалъ, что раздраженная судьба изливаетъ на него всю жестокость нещастій. „ Боже великій! „ возопилъ онъ, Ты единъ, кото- „ рому извѣстна глубина совѣстей „ человѣческихъ. Воззри съ высо- „ ты престола твоего благодѣтель- „ нымъ окомъ на мою невинность. „ Въ Тебѣ единомъ немощный нахо- „ дитъ свою подпору и угнѣтае- „ мый облегченіе. Такъ, Ты, Ты „ благоутробный Отецъ вселенныя „ исчисляешь капли слезъ, гонимыхъ „ нещастіемъ человѣковъ. Пріими „ меня, Владыко міровъ, подъ сѣнь

„ благо-

„благости твоея. Пусть отъем-
„лютъ у меня все: но да сохра-
„нится на вѣки непорочность серд-
„ца моего.„ Пришедъ въ домъ
свой, затворился онъ въ своей хи-
жинѣ. Во всѣхъ его движеніяхъ ви-
дно было страданіе души, стеня-
щей подъ ударами нещастія, и му-
жество сражающееся съ злоключенія-
ми. Онъ прослезился, и началъ
вѣщать тако.

„Когда я разрѣшился отъ ут-
„робы матерней, и возчувствовалъ
„бытіе мое на свѣтѣ, скорбь объ-
„яла меня, и я плакалъ. Стихіи
„узрѣвъ поверженнаго меня ихъ
„строгостямъ, начали дѣйство-
„вать на слабые члены мои; бо-
„лѣзни такъ же не щадили нѣжнаго
„моего состава. Съ самой мину-
„ты, когда началось существова-
„ніе мое, началъ я терпѣть; и
„ставъ понимать, позналъ я, что
„страданіе неразлучно сопряжено
„съ бытіемъ моимъ: ибо все о-

„крестъ

„ крестъ меня страдало, и все у-
„ мирало: тщетно единый я не
„ хотѣлъ страдать, единый я не
„ хотѣлъ умереть. Потомъ лѣта
„ мои облеклись въ мужество. Тог-
„ да скорбь рекла мнѣ: *Борись со*
„ *мною. Естьли ты явишся*
„ *непреодолимымъ, узришь меня*
„ *уступающею тебѣ: но когда*
„ *допустишь унынію восторже-*
„ *ствовать надъ собою, то из-*
„ *лiю всѣ горести на тебя; буду*
„ *терзать сердце твое безъ жа-*
„ *лости, какъ презрѣнную жер-*
„ *тву отчаянiя; отъиму свѣтъ*
„ *отъ очей твоихъ, лишу всѣхъ*
„ *удовольствiй твердой души,*
„ *и въ самый мрачный тартаръ*
„ *послѣдую за тобою. Когда сiе*
„ *угодно Небесамъ*, рекъ я къ не-
„ щастiю, *будемъ купно братися*;
„ и съ словомъ симъ схватили мы
„ другъ друга. *Уже* тритцать
„ седьмь лѣтъ продолжается сiе
„ сраженiе, и я еще противобор-
„ ствую; не пролилъ я ни единой

„ капли

„ капли слезъ подъ ударами нещастій. Зрѣлъ друзей и сродниковъ
„ погибшихъ отъ руки злодѣйской,
„ и потушилъ жалобу въ сердцѣ
„ моемъ; зрѣлъ сына первенца моего похищенна въ юности алчною
„ смертію, и родительскія очи сіи
„ не омочились. Впервые еще жалость проникла во глубину души
„ моей, и впервые слезы орошаютъ
„ мои ланиты. Не оскорбляйся симъ
„ мужество, единая подпора въ моихъ горестяхъ! Я не о себѣ рыдаю: о тебѣ *Спитонъ*, о тебѣ
„ *кропожаждущій и безчеловѣчный другъ мой*!„ При сихъ словахъ усугубились его рыданія, и
заливщись слезами продолжалъ тако: „Увы, злодѣй! я люблю тебя, человѣчество твое меня трогаетъ. Подлая душа, употребленная судьбою для испытанія
„ моей твердости! ты будешь жить,
„ и равно содѣлаешся ея жертвою.
„ Ты родился для утѣсненія бѣдныхъ. Омоченныя руки твои слезами

„ вами нещастныхъ, можетъ быть
„ омоются собственною твоею кро-
„ вію. Ахъ колико ты злополученъ!
„ Естьлибъ я былъ одинъ страждущій
„ отъ безчеловѣчной руки твоей,
„ естьлибъ злоба твоя на мнѣ еди-
„ номъ истощила свою лютость; сле-
„ зы проліянныя мною за тебя облег-
„ чили бы можетъ быть злую твою
„ участь. Но увы! можетъ быть
„ тысяча нещастныхъ стражду-
„ щихъ отъ тебя вопіютъ на небо.
„ Не всѣ они великодушны; неща-
„ стіе ихъ больше трогаетъ, неже-
„ ли меня. Они просятъ Небо о
„ мщеніи. Нещастный! каждая сле-
„ за ихъ уготовляетъ для тебя
„ мученія въ грядущихъ временахъ;
„ ихъ стонъ и воздыханія усугубля-
„ ютъ пламень геенны, которому
„ лютость твоя тебя пожертво-
„ вала.„

Тако вѣщалъ *Аминтъ*. Въ объятіяхъ рыдающей жены своей, оказывалъ онъ еще твердость, и являя спокойное чело, сокрывалъ во

глубинѣ души своей мрачныя огорченія, снѣдающія сердце его. Но зря, что остается погибать лишенному покрова и полей, или отъ глада, или отъ жестокости стихій, прибѣгнулъ онъ къ единому изъ вельможей страны той.

Безчеловѣчіе и тиранство не всегда сопутствуютъ богатству; они заражаютъ одни только подлыя сердца, въ коихъ погасло вниманіе ко гласу природы. Но есть души, коихъ Провидѣніе хранитъ отъ прикосновенія вредныхъ страстей человѣчеству, при всемъ ихъ изобиліи. *Аминтъ* нашелъ въ *Бурбонѣ* истиннаго сострадателя гонимой невинности. Онъ принятъ въ домъ его съ женою и юнымъ младенцемъ; обрѣлъ спокойное и надежное пристанище своей бѣдности; ощутилъ живѣйшимъ образомъ силу пекущагося о немъ промысла: но злоба *Спитонопа* и тутъ его не пощадила.

Узнавъ,

Узнавъ, что *Аминтъ* наслаждается спокойствіемъ, покровительствуемый *Бурбономъ*, предпріялъ изгнать его отсюда. Удобно обрѣсть способы къ разрушенію человѣческаго спокойствія, когда безчеловѣчіе, подкрѣпляемое силою, вооружается противъ слабаго. *Спитонъ* не преставалъ увѣрять *Бурбона* о несправедливости, злобѣ, ухищреніи и неблагодарности *Аминта*. „Отними благодѣянія твои отъ сего „недостойнаго раба, безпрестанно „твердилъ онъ; или ты съ сожа„лѣніемъ узришь себя пожертво„ваннымъ его злодѣянію.„

Аминтъ высланъ былъ изъ дому *Бурбонопа*, и лишенъ прежнихъ его милостей. Долгое время скитаясь по домамъ, въ коихъ бѣдность, соединенная съ добродѣтелію, оставляла убѣжище гонимой невинности; иногда провождалъ онъ цѣлые дни и нощи на лугахъ при источникахъ водъ шумящихъ, имѣя ло-

ложемЪ зеленый дернЪ, а покровомЪ листвіе древесЪ. „Юное чадо! вѢщалЪ онЪ оставшемуся у него сыну, играющему на поляхЪ цвѢтами, и сЪ пріятною усмѢшкою объемлющему выю его, научайся „терпѢнію вЪ младенчествѢ твоемЪ. „МожетЪ быть дни твои толико „же будутЪ злы и нещастны. Не„бо да сохранитЪ вЪ тебѢ навсегда „сію невинность, сЪ какою ты ны„нѢ улыбаешся посредѢ рыданій „нашихЪ. „ ДнемЪ упражнены они были работою, доставляющею имЪ нужную пищу; а когда луна начинала блистать посреди звѢздЪ серебрянымЪ своимЪ лукомЪ, тогда мирная чета сія преклонясь на прелестной зелени, предавалась забвенію жестокой судьбы своей, и преходила спокойно отЪ унынія кЪ любви, и отЪ забавЪ кЪ сладкому успокоенію.

НапослѢдокЪ пришедЪ вЪ одинЪ городЪ, рѢшился *Аминтъ* пріобщить

щить себя къ числу гражданъ онаго. Добродѣтели учинили его любезнымъ согражданамъ. Тамо бѣдная хижина и мирная подруга составляли его сокровища. Невинность приносила ему любовь сосѣдей, а трудолюбіе снабдѣвало нужнымъ къ пропитанію. День отъ дня становился онъ благополучнѣе, и нечувствительно началъ преходить отъ нищеты къ удовольствію.

Между тѣмъ страшная туча, стоящая надъ главою *Спитона*, уже готова была преломиться и излить на него молнію и громы. Мѣра злодѣяній его уже исполнилась; Небо готовилось на него извергнуть горестную чашу праведнаго гнѣва своего, и превратить красные дни его во дни горести и отчаянія. Увы! коликаго сожалѣнія достойны злодѣи! развратность ихъ, умножающаяся со дня на день, наподобіе прервавшейся плотины, никогда не останавляется, и усу-

губляя ужасъ ихъ нещастій, приводитъ наконецъ до такой крайности, которая отвсюду окружена отчаяніемъ и трепетомъ. Таковый печальный примѣръ мы видимъ въ *Спитонѣ*.

Великія богатства его въ короткое время погибли. Домъ поглощенъ былъ свирѣпымъ пламенемъ; слуги оставили господина и разбѣжались: жестокая печаль пожертвовала жену его безвременной смерти, а дѣти поглощены свирѣпою лихорадкою. Вотъ плоды долговременнаго злодѣянія! Тогда отворились глаза *Спитоновы*, отягченные до того времени глубокимъ сномъ. Онъ призналъ праведную десницу Божію, мещущую на него стрѣлы мщенія небеснаго; пролилъ источники слезъ, и собравши часть имѣнія своего, оставшуюся отъ расхищенія рабовъ, и отъ поглощенія алчнаго пламени, удалился на корабль свой, который отправлялся тогда въ восточныя госу-

государства съ товарами, дабы сохранить печальный остатокъ своихъ богатствъ и отдалить отъ глазъ плачевныя развалины разрушившагося щастія своего; но мщеніе небесъ повсюду за нимъ слѣдовало.

Въ то время, когда *Спитонъ* предался морскимъ волнамъ, воздухъ на всемъ горизонтѣ находился въ равновѣсіи, и заходящее солнце казалось еще востающимъ. Но вдругъ изъ нѣдръ покоющагося моря поднялась ужасная туча въ видѣ кровавыхъ волнъ, и подала страшное предзнаменованіе. Корабельщики видя сіе вострепетали. Но *Спитонъ* еще ласкался надеждою, что темные облака могутъ быть разсѣянны быстрымъ движеніемъ воздуха. Между тѣмъ они болѣе сгущаются, покрываютъ всю гладкую поверхность моря, кажутся противоборствующими блистающему свѣтилу небесъ, и полагающими непреоборимую препону его те-

теченію. Оно съ величествомъ надъ ними торжествуетъ, и проникнувъ сильными лучами багровыя сіи волны, развєрзаетъ ихъ внутренность. Но во мгновеніе ока громада сія паки соравнялась. Колико кратъ солнце разсѣкало тучи, толико разъ было ими подавлено. Наконецъ утружденное сраженіемъ симъ, на коемъ казалось то побѣжденнымъ, то паки возносящимся, и истощивъ стрѣлы померкающаго сіянія своего великое свѣтило дня погружается въ кровавой пѣнѣ трепещущихъ водъ. Сильные бореи крутящіеся надъ кораблемъ съ пронзающимъ свистомъ и съ ревомъ волнъ, расторгли парусы и поколебали мачты. Они потряслися, скрыпнули, и раздѣлились на части. Корабль опроверженъ былъ въ страшный ровъ разверзающихся водъ, и возносясь паки къ облакамъ на высокихъ буграхъ волнъ, отшрясъ находящихся на немъ мореплавателей. Всѣ чаяли, что страшный тар-

тартарЪ разверзся подЪ ногами ихЪ: но не всѢ были жертвою раздраженнаго моря. Часть изЪ нихЪ только погибла, а другіе ухватившись за корабельныя доски принесены были ко брегу.

ВЪ числѢ спасшихся отЪ потопленія находился и *СпитонЪ*. ОнЪ видѢлЪ ясно, что судьба оставила его между живыми для испытанія большихЪ злоключеній. ВЪ уныніи и задумчивости шелЪ онЪ не вѢдая куда, и не зная, что сЪ нимЪ послѢдуетЪ. ВЪ такомЪ положеніи пришелЪ онЪ вЪ тотЪ городЪ, гдѢ находился *АминтЪ*.

ОнЪ уже былЪ вЪ состояніи несравненно лучшемЪ, нежели вЪ какомЪ оставила его *Спитонова* злоба; имѢлЪ домЪ, и все нужное кЪ содѢланію довольно щастливымЪ его жребія.

Любезное утро на орошенныхъ крилахъ своихъ ниспускалось на землю, и величественное свѣтило небесъ готовилось явиться на горизонтѣ, когда *Спитонъ* вошелъ въ преддверіе града, въ которомъ обиталъ *Аминтъ*. Онъ изшелъ тогда изъ дому для осмотренія плодоносныхъ нивъ своихъ, и проходя усыренныя долины, гдѣ цвѣты отверзали ароматическія свои чаши, и дышали смертнымъ въ жертву сладчайшими благовоніями, встрѣтился нечаянно съ *Спитономъ*. Блѣдный его видъ, глубокая задумчивость, и робкое ступаніе привели *Аминта* въ удивленіе. „ Такъ это *Спитонъ*, говорилъ онъ, подходя къ нему ближе, и познавая лице его. Это „ онъ. Но что онъ такъ задумчивъ „ и смущенъ? Конечно мщеніе его „ постигло. „ *О другъ мой*! возопилъ наконецъ *Аминтъ*, бросившись къ нему на шею, *что съ тобою сдѣлалось*?

Спи-

Спитонъ подъемля отягченныя скорбію глаза свои, и воззрѣвъ на него, вѣщаетъ: „*Аминтъ* меня „объемлетъ. Такъ я познаю те„бя; ибо видъ твой повсюду слѣ„дуетъ за мною, терзая душу „мою, какъ страшная фурія. Но „еще тысячи подобныхъ твоему ви„довъ раздираютъ сердце мое, кото„рыхъ я угнѣталъ во время моего „щастія. Въ какомъ я тебя вижу „состояніи? вопрошаетъ *Аминтъ*. „Въ самомъ злѣйшемъ, *Спитонъ* „отвѣтствуетъ. Но я сего до„стоинъ. Лишенный всего, и отъ „всѣхъ оставленъ, иду препрово„дить остатокъ дней моихъ во „градѣ семъ. Оставь меня горе„стной судбѣ моей.„

„Возможно ли взирать съ рав„нодушіемъ на толь жестокую „премѣну! вопилъ *Аминтъ*. *По„ди Спитонъ раздѣляй со мною „бѣдное мое мѣніе; ты не бу„дешь имѣть ни въ чемъ недо-*

„ста-

„ *статка.* Я? отвѣчаетъ *Спитонъ*, „ я недостоинъ ничего. Вопль, рыданіе, и отчаяніе, вотъ моя „ участь. Небо довольно тебя наказало, прерываетъ *Аминтъ*; „ пойдемъ, проводи мирно остатокъ жизни твоей въ моей хижинѣ. Заклинаю тебя любовію кипящею къ тебѣ въ груди моей, „ пойдемъ со мною. Ты злощастенъ; облегчи жестокую судьбу „ свою малымъ моимъ достояніемъ. „ Слова его оживотворенны были искренностію. Онъ взялъ его за руку, и повелъ въ домъ свой; а слава въ книгѣ вѣчности начертала *Аминтово* имя.

Конецъ

Кр 5105

1354
Кл. 919
Гос. Публичная Библиотека

Бп-59-1231
13
СН-59-14
3ор

ГПБ Русский фонд
137
825